



## Мурат Ауэзов о Магжане Жумабаеве, казахско-татарской интеграции и своей маме Фатиме

В год 120-летия казахского классика Магжана Жумабаева (1893–1938) в Казани вышел в свет сборник его стихов, переведённых на татарский язык известным татарстанским поэтом, Заслуженным деятелем РТ, лауреатом Государственной премии РТ имени Габдуллы Тукая Радифом Гаташем. В книгу вошли также переводы поэтов Нури Арсланова, Мударриса Аглыма и Флёры Тархановой.

Одним из первых в Казахстане сборник увидел общественный деятель и культуролог Мурат Ауэзов, имеющий непосредственное отношение к творчеству Жумабаева. О великом Магжане, казахско-татарской интеграции и матери Мурата Мухтаровича – Фатиме – состоялся разговор в Ассоциации татар и башкир Казахстана

– **Мурат Мухтарович, много лет назад вы занимались творческой реабилитацией Магжана Жумабаева. Сегодня вы держите перевод его стихов на татарский язык. Какие чувства испытываете?**

– Согласитесь, это естественно и закономерно, когда наш поэт Магжан Жумабаев признаётся современниками как великий казахский лирик.

В истории с Жумабаевым сплелись и величие, и трагедия, и драма казахской словесности XX века. Долгие годы Магжан был отлучён и от казахского читателя, и от читателя большого тюркского мира. Однако эта несправедливость не могла длиться вечно. Ведь такого масштаба поэты, думаю, опекаемы Всевышним. Не там, так здесь, чуть раньше или чуть позже он обязательно появился бы и на казахском языке в полном объёме, и на языках братских тюркских народов. Поэтому я очень рад тому, что татарские поэты обратили внимание на его творчество.

Татарский язык для меня близкий и родной. Моя мама была татаркой. Несмотря на бесконечные ссылки и достаточно тяжёлую в те годы жизнь, она сумела как-то сохранить журнал «Шура» со стихами Габдуллы Тукая и других татарских поэтов. С детства мой слух был настроен на восприятие как казахской, так и татарской поэзии...

Я успел почитать этот сборник. Отмечу, переводы сделаны не просто качественно, но и с душой. Нет сомнений в том, что это было некое творческое соперничество Поэту. Видимо, тюркские мотивы его поэзии оказались близки переводчикам.

Что касается творческой реабилитации Жумабаева...

Когда в Москве впервые прозвучали на русском языке стихи Магжана, их очень высоко оценили русские поэты.

А потом начался период разгрома Алаш-Орды, гонений и репрессий нашей интеллигенции. Естественно, вопрос о переводе на русский и другие языки был закрыт. А Жумабаев был из числа людей, которые не притягивают к себе сердца чиновников или политических деятелей. Но! Люди благородной души, настоящие творцы, имеющие дело с казахской литературой, никогда не смогли бы обойти такую фигуру, как Магжан.

После политической реабилитации Жумабаева его поэзия была всё же недоступна для читателей. Много лет спустя гражданскую миссию взял на себя татарин Хайрулла Махмудов, один из крупнейших казахстанских филологов, профессор, доктор наук. Помогал ему коллега по КазГУ лингвист Александр Жовтис. Вместе они подготовили материал для журнала «Восток». Я видел ту вёрстку – взволнованное предисловие Махмудова и вдохновенные переводы Жовтиса. Увы, публикация так и не увидела свет, её попросту заменили на другую. Жовтиса уволили с работы, а Махмудов получил очень строгое взыскание.

Жёсткими противниками возвращения Магжана в казахскую поэзию стали вдруг некоторые люди, занимавшие в 1960–1970-е годы высокие социальные посты. Они были поэтами, которые, как выяснилось, присваивали себе стихи Жумабаева. Свой поступок объясняли попыткой сохранить наследие Магжана для будущих поколений. Но плагиат есть плагиат, потому, дабы не быть уличёнными, они и строили всякие преграды.

...Шёл 1957 год. В Алматы возвращались вдовы репрессированных. Моя мама была дружна с супругой Жумабаева Злихой. Как-то меня попросили проводить её домой. По дороге Злиха-

апай рассказывала о своих поездках к Магжану в ссылку. Помню, как меня поразила эта высочайшая преданность избраннику судьбы. Позже мы – я, поэт Олжас Сулейменов и прозаик Сатимжан Санбаев – при поддержке директора Литфонда Габбаса Кабышева стали помогать ей материально. Литфонд выписывал небольшую сумму, а мы добавляли из своей зарплаты. Минимум раз в месяц навещали Злиху-апай, обязательно с цветами. Тогда-то и появилась идея собрать стихи Мажана из архивов. После довольно трудоёмкой работы получилось два машинописных тома текста. Они и стали основой для последующей деятельности Махмудова и Жовтиса.

Огромную роль в творческой реабилитации Магжана сыграл татарский и башкирский поэт Сайфи Кудаш. Я читал его переписку с Злихой-апай. Очень убедительное письмо с просьбой творческой реабилитации Жумабаева Сайфи Фаттахович написал Динмухамеду Кунаеву. Кудаш говорил о том, что Магжан – великий поэт. И не только казахский, но и всего тюркского мира. Кстати, и сам Кунаев, как стало известно, великолепно знал поэзию Магжана Жумабаева с молодых лет, часто цитировал его и читал стихи на память.

Сегодня Жумабаева переводят много и порой не совсем адекватно. Но случаются настоящие удачи, к числу которых можно отнести и сборник на татарском языке.

**– Казахско-татарская культурная связь, которую нынче называют модным выражением «глубоко интегрированная», существует не одно столетие...**

– Уверен, мы все – представители старшего поколения казахов – благодарны татарской интеллигенции конца XIX – начала XX века за вклад в повышение нашего, так сказать, уровня информированности. Благодаря татарам мы получали из Казани и Уфы различные издания. Это был благотворный процесс для казахских писателей. Не случайно в своё время Мухтар Ауэзов

боролся за Ленинскую премию для Мусы Джалиля. За этим стоит и значение татарской культуры в духовной жизни казахов.

Безусловно, культурная связь должна продолжаться. Это будет полезно для новых поколений, как казахов, так и татар. Причём взаимодействие должно быть во всех сферах.

Не могу не сказать о широко обсуждаемом сейчас в Казахстане вопросе перехода на латинский шрифт. Свою позицию я давно обозначил. Я за латиницу! Потому как кириллица воздвигла барьеры между тюркскими языками. К примеру, каракалпака я совершенно спокойно понимаю, а читать каракалпакские тексты просто невозможно. Вот поэтому должна быть унифицированная латиница для всех тюркоязычных народов. Считаю, в этом направлении нам следовало бы сделать осознанные встречные шаги.

Недавно по инициативе Казахстана Генеральная Ассамблея ООН провозгласила Международное десятилетие сближения культур. Понятное дело, в культуре невозможно что-то решать лишь с помощью административных рычагов. Должно быть, какая-то внутренняя тяга, от сердца к сердцу что-бы. У каждого тюрка, мне кажется, ещё где-то взаперти живёт любовь ко всему тюркскому. Надо распахнуть эти двери и дать возможность шагнуть друг к другу навстречу... Мне очень хотелось бы, чтобы Магжан Жумабаев стал своеобразным мостом к братьям татарам и башкирам.

**– Мурат Мухтарович, расскажите, пожалуйста, о вашей маме.**

– Её звали Фатима Габитова... О её жизни написаны книги, изданы её дневники. По пьесе поэта-драматурга Ирана-Гайыпа поставлен интересный спектакль «Фатима»...

Она была необыкновенно красивая женщина – об этом писали все – и к тому же чрезвычайно образованная. Всей душой приняла казахскую степь. Известны стихи Ахмета Байтурсынова, писавшего, что, если бы Всевыш-

ний даровал ему сто глаз, то каждый из них смотрел бы на Фатиму. Когда Мухтар Магауин работал над книгой о казахской средневековой литературе, он с удивлением обнаружил, что все архивные материалы по казахской поэзии были собраны и переданы в архив нашей мамой.

Все мужья Фатимы – видный просветитель Билял Сулеев, знаменитый поэт Ильяс Джансугуров и всемирно известный писатель Мухтар Ауэзов – очень любили её и уважали. Жену и музу трёх выдающихся людей и мать семерых детей высоко ценили в кругу казахской интеллигенции. Тема её замужеств, конечно, не для интервью, она достойна саги, действия которой разворачивались бы на фоне голода 30-х годов и репрессий 1937 года, когда надо было как-то выживать...

После расстрела Ильяса Джансугурова мама с детьми жила в селе Мерке, что в Жамбылской области, учительствовала в местной школе. Всё это время ей материально помогал Мухтар Ауэзов. Потом он купил дом в Алма-Ате. Он хотел, чтобы дети Ильяса – Умут и Ильфа, заканчивавшие среднюю школу, поступили в вузы, а я пошёл в казахскую школу. К слову, тогда никто из именитых людей вообще не отдавал детей в казахские школы, которых в Алма-Ате было всего две: 18-я для мальчиков и 12-я для девочек.

В нашей семье никогда не было деления на отцов. Маме как-то удалось создать атмосферу, в которой дети трёх великих людей выросли в ощущении

братства и единства. Помню случай, произошедший в Мерке на озере Карасу. Мне было четыре, а брату Булату – одиннадцать. Я как-то оказался в дырявой лодке, которая начала тонуть. Так вот Булат достал меня практически со дна...

Мы жили большой дружной семьёй, породнённые страшной исторической судьбой казахов тех лет. Мама прекрасно понимала это, понимал и Мухтар Ауэзов, стремившийся не только продолжить свою фамилию, но и поставить на ноги детей своих друзей...

Мама писала замечательные стихи, в которых зачастую проскальзывали пантюркистские идеи. В трудные минуты иногда говорила, что если бы бросила нас всех, то уехала бы непременно в Анкару. Почему-то именно туда. Или в Казань, о которой мечтала всю жизнь. Когда встал вопрос, где я буду учиться после школы, она спорила с Мухтаром Ауэзовым, настаивая на Казани. А он хотел, чтобы – в Москве... Не боялась она писать о голоде 30-х годов и пережитых репрессиях, это есть в её дневниках, изданных на русском языке.

Прекрасная татарка, принявшая судьбу казахов, но никогда не забывавшая о своих корнях. А как она пела на татарском!.. Фатима Габитова была сильной личностью и притягательной для тех великих казахских джигитов, которые стали её мужьями. В её яркой судьбе в полной мере отразились все потрясения начала XX века, выпавшие на долю казахского народа.

*Ринат Абдулхаликов*

